

На следующее утро, во время утренней аудиенции, Вэй Шаньцюэ огласил результаты вчерашнего расследования.

Обыскав кабинет Хань Ху сверху донизу, люди Восточного цеха нашли исписанный листок. Почерк проверили — сомнений не оставалось, он принадлежал Хань Ху.

Листок немедленно представили государю. Написанные на нём строки так и дышали затаённой обидой на министра юстиции.

Прочитав послание, министр юстиции пришёл в ярость:

— Вздор! Наглая ложь! Да когда это я обходился с ним столь жестоко?!

Помощник министра юстиции шагнул вперёд и поспешил заступиться за начальника:

— Ваше Величество, господин министр держит нас в строгости, это правда, но до подобных крайностей он никогда не опускался.

Однако другой помощник начальника департамента из того же ведомства возразил:

— К чинам повыше господин министр, быть может, и благоволит, а вот нас, мелких чиновников, ни во что не ставит — то и дело осыпает бранью, а то и руку приложить не постесняется. Служить под его началом — сущая каторга.

— Лжёшь, мерзавец! — рявкнул министр юстиции и замахнулся, готовый ударить наглеца прямо в тронном зале.

Но тот даже не шелохнулся:

— Если господин министр позволяет себе подобное на глазах у Его Величества, то легко представить, что творится за закрытыми дверями его кабинета.

— Довольно! — ледяной голос Вэй Шаньцюэ заставил министра застыть на месте. — Тронный зал — не место для кулачной расправы.

Левый канцлер, почуяв выгоду, тут же вмешался:

— Ваше Величество, вина очевидна, а доказательства неопровержимы. Справедливое наказание не только упокоит мятежную душу Хань Ху, но и послужит грозным уроком для всего чиновничества.

Молодой император повернулся к главе Восточного цеха:

— Слова Левого канцлера разумны. Глава Вэй, как, по-твоему, нам следует поступить?

— Министру юстиции надлежит временно удалиться в свое поместье для размышлений над собственными проступками, — бесстрастно ответил Вэй Шаньцюэ. — Лишить его жалованья на год и запретить покидать дом без высочайшего повеления. Временное исполнение обязанностей министра предлагаю возложить на судью Мо Хуайлиня.

Таким решением он без колебаний обошёл помощника министра, который только что пытался выгородить своего начальника.

Будь на то иная воля, Правый канцлер наверняка стал бы спорить и возражать. Однако Мо Хуайлинь числился среди его людей. Лицо Левого канцлера, едва он услышал имя преемника, потемнело от злости.

Поспешив воспользоваться моментом, Правый канцлер низко поклонился:

— Государь, предложение главы Вэй кажется мне на редкость мудрым и справедливым.

После того как аудиенция завершилась, император попросил Вэй Шаньцюэ остаться. Левый канцлер покинул зал, в ярости взмахнув широкими рукавами, в то время как Правый канцлер уходил, довольно щурясь и не скрывая торжествующей улыбки.

В этот день юный государь должен был слушать наставления дворцового учителя. Однако почтенный старец занемог, и император, недолго думая, попросил Вэй Шаньцюэ занять его место.

По правде говоря, наставления главы Восточного цеха нравились мальчику куда больше бесконечного бубнежа престарелого книжника. Вэй Шаньцюэ говорил просто и по делу. В его речи не было занудных цитат из канонов, рассуждений о древних праведниках и высокопарной чепухи. Он приводил наглядные, живые примеры, заставляя юного правителя размышлять самостоятельно и находить скрытые взаимосвязи.

Когда занятие закончилось, император, отложив кисть, негромко спросил:

— Глава Вэй, я всегда думал, что ты дружен с министром юстиции. Почему же сегодня ты настоял на его наказании?

— Ваше Величество, у главы Восточного цеха не может быть друзей среди сановников, —

ответил Вэй Шаньцюэ ровным, лишенным эмоций голосом. — Мы лишь делим одну службу.

Молодой император опустил взор.

"Глава Вэй одинок среди сановников точно так же, как я в стенах этого дворца. Ни он, ни я не можем позволить себе раскрыть душу перед кем бы то ни было... Но какая разница? Когда бразды правления полностью перейдут ко мне, пусть они боятся и повинуются. Большого мне и не нужно.

И всё же... Пэй Чанъин. Хоть бы он остался прежним".

— Ваше Величество? — негромко окликнул его Вэй Шаньцюэ, заметив, что государь погрузился в свои мысли. — Если у вас больше нет вопросов, позвольте мне откланяться.

— Иди, глава Вэй, — опомнился император. — И не забудь передать Чанъину, чтобы завтра он пришёл во дворец пораньше.

— Повинуюсь.

Вот только на следующий день Пэй Чанъин во дворце так и не появился.

Мальчишка ухитрился объесться какой-то дряни и теперь маялся животом.

Вэй Шаньцюэ не знал, сердиться ему или смеяться. Паренёк сжался под одеялом в тугой комок, жалобно шмыгал носом и смотрел на него влажными, полными вселенской обиды глазами.

— Ну и как? — спросил Вэй Шаньцюэ, садясь на край постели. — Будешь ещё в разгар жары тащить в рот всё холодное и жирное без разбору?

Но Пэй Чанъин даже в таком состоянии упорно стоял на своём:

— Да при чём тут я... Это всё лавочник! Точно говорю, еда у него была несвежая, подсунул мне отраву, злыдень...

— Хочешь сказать, это я у нас злодей и скряга? — Вэй Шаньцюэ забрал у слуги дымящуюся пиалу.

По комнате мгновенно растёкся тяжёлый, удушливый запах варёных трав. Целебный отвар

обещал быть невыносимо горьким.

Больной Пэй Чанъин соображал туго. Он недоуменно моргнул:

— Разве я говорил про тебя?.. Постой, неужели те лавки тоже принадлежат тебе? Эх, знал бы — ни медного гроша бы там не оставил!

— Договорились. В следующий раз можешь уходить не расплачиваясь, — Вэй Шаньцюэ осторожно подул на тёмную жижуху и поднёс пиалу к его побледневшим губам.

Зажмурившись, Чанъин единым духом осушил пиалу до дна и тут же жалобно заныл:

— Какая гадость! Горько-то как!

Он уставился на опекуна просящим взглядом.

Слуга послушно забрал пустую посуду и ушёл, но засахаренных фруктов, которые обычно подавали после горького лекарства, на подносе почему-то не оказалось.

— Учитель... — протянул Чанъин с глубочайшей обидой в голосе. — Ну дай сладенького, а?

— И впредь обещаешь не кусочничать на улице? — строго спросил Вэй Шаньцюэ.

— Не буду... — неохотно выдавил мальчишка.

Вэй Шаньцюэ усмехнулся и раскрыл ладонь. На ней лежали спелые, сочные цукаты — именно те, что Чанъин любил больше всего на свете.

<http://bllate.org/book/20384/2151632>